

В старину ставили храмы на полях сражений в память о героях и мучениках, отдавших за Родину жизнь. На Куликовом, на Бородинском, на Прохоровском белеют воинские русские церкви. Эта книга — храм, поставленный во славу русским войскам, прошедшим Афганский поход. Александр Проханов писал страницы и главы, как пишут фрески, где вместо святых и ангелов — офицеры и солдаты России, а вместо коней и нимбов — "бэтэзры", и танки, и кровавое зарево горящих Кабула и Кандагара.

АЛЕКСАНДР ПРОХАНОВ СЕДОЙ СОЛДАТ

Александр Андреевич Проханов

Седой солдат

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=170193

Аннотация

В старину ставили храмы на полях сражений в память о героях и мучениках, отдавших за Родину жизнь. На Куликовом, на Бородинском, на Прохоровском белеют воинские русские церкви.

Эта книга – храм, поставленный во славу русским войскам, прошедшим Афганский поход.

Александр Проханов писал страницы и главы, как пишут фрески, где вместо святых и ангелов – офицеры и солдаты России, а вместо коней и нимбов – «бэтээры», и танки, и кровавое зарево горящих Кабула и Кандагара.

Александр Андреевич Проханов

Седой солдат

Николай Морозов, еще недавно первокурсник филологического факультета Московского университета, а теперь рядовой, служил в Афганистане уже два месяца. И все месяцы ему снились домашние московские сны. Будто в день рождения Пушкина он пришел к памятнику. Кругом толпится летний нарядный народ, кладет цветы, какая-то девушка в больших очках читает стихи, и следующая очередь его, Морозова. Он перешагивает низкую, из бронзовых листьев, цепь. Ступает на цветы. Ему страшно, сладко. Видна улица Горького, блеск машин, квадратные часы на фонарном столбе. Из толпы глядит на него Наташа, невеста. Он видит близко ее лицо. Готов читать «Полтаву». Но стихи, такие знакомые, ускользают – ускользают пехотные полки, кавалерия, скачущий царь. Он гонится за ними, перескакивает через цепь, мимо Наташи, растерянной, умоляющей, зовущей его обратно.

Он проснулся от команды: «Подъем!», совершая быстрый, мучительный переход от сна к яви. И этой явью был ефрейтор Хайбулин, ловко вталкивающий ногу в большой ботинок. Его голая мускулистая рука голубела наколкой. Орел

распахнул крылья, держал в клюве ленту с надписью: «Привет из Герата».

– Ты почему вчера лавки в столовой не отдраил? – Ботинок Хайбулина качался у самых глаз.

– Прапорщик тебе сказал драить. – Морозов старался подальше отодвинуться от стертой подошвы.

– Сказал мне, а драить ты будешь! Вечером проверю. Не выдраишь, ночью подниму, понял?

Хайбулин служил второй год. Подошвы его ботинок были стерты об афганские камни и шершавую броню транспортеров. Он мог позволить себе резкость с молодыми солдатами: под обстрелами хлебнул «афган», готовился к увольнению. Все в этом грубом ефрейторе вызывало у Морозова протест, казалось проявлением неумного, злого высокомерия, с которым приходилось мириться.

Утро было таким, как вчера, как все эти дни. Прохладные розоватые предгорья, еще не накаленные солнцем, еще не ставшие пепельно-серыми, как высыпанная из печей зола, над которой дрожит стеклянно-едкое непрозрачное небо. Длинная, из холмов выходящая трасса, еще пустая, без единой машины, без долгой вереницы серо-зеленых усталых колонн. Красный флажок на мачте посреди бестравной, усыпанной гравием клумбы. Каждый вечер горячий гравий равнялся граблями, и он, Морозов, вчера занимался этой не связанной с выращиванием овощей, агротехникой.

Толкотня солдат возле умывальников. Слишком шумное,

как казалось Морозову, нашествие на столовую, с гроыханием тарелок и чайников, где чай был дезинфицированным, с запахом поликлиники. Утренний развод перед флагом – с оружием, в касках, выезд на охрану дороги. Утром, до подхода автоколонн, рота занимала позиции на окрестных высотах. Солдаты залегли в мелких, открытых пеклу окопах. Проводили на солнцепеке день, вглядываясь в окрестные лысые горы, в бетонную трассу, по которой, слепя стеклами, шли тяжелые «КамАЗы», катили стремительные, похожие на ящериц патрульные транспортеры.

Боевую задачу им ставил офицер-политработник, ночевавший в роте. Немолодой, обгоревший на солнце подполковник в мятой панаме с белорусским, чуть шепелявым выговором. Морозову нравился этот выговор, казавшийся невоенным, нравилось усталое его лицо, как у знакомого конюха в той давней деревне, где когда-то отдыхал на даче с родителями. Конюх отворял косые ворота сарая. Из тьмы, из теплых сенных ароматов выбегали разноцветные лошади, ржали, брыкались. И так хотелось прокатиться, промчаться верхом, да не было смелости. Ни разу в жизни он так и не ездил на лошади.

– Докладываю обстановку на трассе... день сегодня на вашем участке особенный. Помимо обычных колонн, которые вы охраняете, пройдет колонна комбайнов, грузовики с семенным зерном, удобрениями. Эту колонну правительство направляет в кишлаки, где созданы госхозы, вроде на-

ших совхозов. Колонна эта мирная, хлебная, крестьянская, но она врагу страшнее танков и артиллерии. Поэтому на нее могут напасть, а вам ее нужно непременно сберечь. «Духи» высылают разведку, будут за вами следить. На осле проедут, на грузовике. Все примечайте. Чтоб мину не уложили и вас на мушку не взяли. Понятно?

Подполковник прошел вдоль строя, заглядывая в лица солдат, словно хотел убедиться, понятно ли им. И Морозов, встречаясь с ним взглядом, успокаивал его: понятно!

– Далее... Осторожность, внимание на позиции! – говорил офицер. – Смотреть, смотреть в четыре глаза! А если есть запасные, то и их достать! Поступила информация, что в район нашего расположения прибыла группа наемников-европейцев. Эти дело знают. Матерые, воевали в Африке, во Вьетнаме. Значит, что-то замышляют особенное. Будут стараться добыть «языка». В руки им лучше не попадаться. Поэтому еще раз приказываю и прошу – бдительность! Не отвлекаться, не дремать! Глаза вперед и глаза назад! Каски на голове! Гранаты наготове! Находиться только в окопе! Сектор обстрела просматривать! Чего мы, офицеры, командиры ваши, хотим? Хотим, чтобы вы отслужили и вернулись благополучно домой. К матерям, к отцам. Чтобы пошли – кто дальше учиться, кто дальше работать. Жили бы долго, всласть, до старости. А для этого – бдительность! Не приказываю, а прошу: берегите себя.

Эта просьба, легкое шелестение речи, просящее немоло-

дое лицо трогали Морозова. Хотелось, чтоб подполковник продолжал говорить.

Но уже подкатывали, пуская дымки, бронетранспортеры, и ротный короткими командами рассаживал солдат по машинам.

Стоять в дозоре на сопке выпало Морозову все с тем же ефрейтором Хайбулиным. И это огорчило: весь день в тесном окопчике с неприятным человеком.

Провожал их по трассе все тот же подполковник. БТР остановился у серой горячей осыпи, полого спадавшей к бетонке. Здесь полгода назад случилась засада. Колонна наливников попала под удар душманов. Два исковерканных обгоревших остова, сброшенные в кювет, бугрились и ржавели. Напоминали мертвых, с переломанными хребтами животных. На вершине светлел окопчик, выдолбленный в камнях нападавшими. В нем же, чуть углубленном, предстояло угнездиться солдатам – держать под прицелом подступы к трассе и окрестные сопки.

– Откуда родом, солдат? – спросил подполковник Морозова, когда спрыгнул с брони на бетон и прапорщик из люка подал Морозову миноискатель: ночью подходы к окопу и сам окоп душманы могли заминировать.

– Из Москвы, – ответил Морозов, благодарный за этот пустячный, такой обычный вопрос.

Подполковник почувствовал эту благодарность. Чуть тронул его за плечо:

– Почти земляки. А я с Гомеля. Если отсюда смотреть, это рядом! Давай, сынок, служи! – и, ступая с бетонных плит на обочину, Морозов чувствовал на себе провожающий невоинный взгляд офицера.

Он шел вверх по едва заметной, набитой солдатскими ботинками тропе, вонзая щуп в землю, осторожно, нервно, ожидая, что вот-вот стальная игла встретится с миной, искусно и ловко вживленной в тропу быстрыми руками минера.

– Стой! Подожди! – окликнул, дернул его за китель Хайбулин. – Держи, на! – Скинул с плеча, передал ему свой автомат. – Иди за мной! Дистанция – десять метров! – И, оттеснив Морозова, отдавив его локтем назад, удерживая на расстоянии взбугрившейся чуткой спиной, пошел цепко, точно, по-звериному осторожно, внимательно прощупывая гору, приглядываясь, принюхиваясь. И Морозов, отстав от него, неся на плече два автомата, испытал двойное чувство: все то же негодование за резкость и похожую на изумление благодарность – ефрейтор не пустил вперед его, новичка, заслонил собой от опасности. Там, в гарнизоне, отлынивая от мелких изнурительных дел, пытался перекладывать на новичка черновую работу. Здесь же, рядом с опасностью, он брал на себя ее главное бремя. Щадил, берег новичка. Так понимал его Морозов, идя вверх по склону в десяти шагах от ефрейтора, видя, как льются мелкие камушки из-под его подошв.

– Чисто... Не было «духов»! Никаких «подарков»! – Хайбулин стоял на краю мелкого окопа, тыкая щуп в бруствер и каменистое ложе, где валялась пустая пачка «Примы» и метался черный испуганный жук. Ефрейтор попытался раздавить его, но тот увернулся и скрылся в расщелине. – Давай сюда.

Они спрыгнули вниз. Уложили на дно фляжки с водой, ручные гранаты. Потоптались и легли грудью на теплый бруствер, выставили головы в зеленых касках.

Прямо напротив окопа высилась другая гора, в травяной клочковатой зелени, и где-то за ней близко находился кишлак. Морозов тянулся к этой горе, стараясь уловить запахи дыма, жилья, не иссушенной зноем травы. Еще одна гора, розоватая и бестравная, была в длинных осыпях. Их разделяло безводное желтоватое русло, столь сухое на вид, что Морозов облизал губы, посмотрев на фляги с водой. Под откосом поблескивала трасса, закруглялась упруго, исчезала в горбатых холмах. Там, в тенях и промоинах, высились далекие горы, голубые, облачно-белые, словно в другой, запретной земле.

Морозов смотрел на их недоступную голубую прохладу. Любовался их воздушной, неземной красотой. Пережил мгновенное, близкое к восторгу волнение – загадочность своего появления здесь, в этом мелком окопе, где в расщелине спрятался испуганный жук. Окоп отрыли другие люди, смуглые, черноусые, в черно-белых чалмах и повязках.

Прижимали к потным щекам винтовки. Слушали гул приближавшейся колонны. Он попытался ощутить их врагами, жестокими, беспощадными, для кого приготовлены его зеленые, начиненные взрывчаткой гранаты, теми, кто грозит ему нападением, смертью и на кого нацелен его автомат. Но горы вдали нежно голубели. В их лазури чудились минареты и пагоды, узорные беседки в садах, глиняные расписные сосуды. И было загадочно-чудным его появление здесь.

– У тебя кто есть дома? – спросил Хайбулин Морозова. – Ну, женщина, или кто там она тебе? У меня – три! – засмеялся ефрейтор. – Все три ждут, все три пишут! Приеду, скину хэбэ, костюмчик надену и пойду к ним. Сперва к Райке, потом к Валюхе, а потом к Розке. Широкий выбор!

Морозова покорило. Казалось, что Хайбулин умышленно его мучает, унижает, посягает на что-то. Он на мгновение представил и сразу же отвел, заслонил, защитил собой лицо Наташи, приславшей ему короткие, застенчиво-пылкие письма, в которых жалела, что так и не успели съездить вместе на Бородинское поле. А одна она не поедет. Дождется его.

– Отец-мать есть у тебя? – спросил Хайбулин и невесело усмехнулся. – У меня никого. Я детдомовский.

Морозов в раскаянии испытал к нему сострадание, чувство вины. Вновь пережил, но уже как боль, а не сладость, загадочность своего появления в этом малом окопчике вместе с Хайбулиным, посреди волнистых афганских гор с отда-

ленной синью хребтов. Две их жизни, столь разные, сошлись на пустынной горе, на нагретом бруствере окопа.

– Кури! – предложил ефрейтор, доставая пачку.

– Не курю, спасибо, – ответил Морозов.

– Как хочешь, – равнодушно ответил ефрейтор и задымил сигаретой. Внизу послышался слабый, металлически-дребезжащий звук. На трассу вынеслась кофейного цвета легковая машина, должно быть, «Тойота». Прижимаясь к бетону, словно вбирая голову в плечи, промчалась, и Морозов заметил, что она битком набита людьми. Мелькнули чалмы, бороды, красное женское платье.

– Ну, скоро колонна пойдет! На подходе, – сказал Хайбулин, провожая взглядом машину. «Тойота» с нетерпеливым шофером, еще робея, еще страшась засады, пронеслась и исчезла в холмах.

Снова раздался надсадный металлический звук. Показался автобус, медлительный, перегруженный, осевший набок, оклеенный аляповатыми блестками, разноцветными аппликациями. Морозов с горы различал сквозь пыльные стекла белые повязки, окладистые темные бороды, смуглые, похожие на сухофрукты лица.

– А кто их знает, кто едет? – размышлял вслух Хайбулин, поглаживая автомат. – Может, «духи» и едут! Кто их проверит!

Стало жарко. Окоп, хранивший следы ночной легчайшей влаги, высох, побелел. Стал похож на медленно накаляемый

тигель. Морозов расстегнул и снял каску. Было тихо, светло. Ничто не предвещало боя, и слова белоруса-подполковника о бдительности, об опасности казались преувеличением.

Глухо, слабо зарокотало, приближаясь, наполняя предгорья стелющимся многозвучным гулом. На трассу, мерцая зелеными ромбами с тонкой черностеклянной сталью поднятых пулеметов, выкатили транспортеры. За ними на дистанции, чуть дымя, возник «КамАЗ», новый, зеленый, с прицепом, с тремя укрепленными в кузове цистернами. Наливник казался длинным, хвостатым. Ловко вписывался в плавный изгиб дороги. За первым показались второй, третий. Одинаковые, неторопливые, мощно-тяжелые, разделенные равными интервалами. И когда головная машина исчезла в холмах, вся трасса была в движении. Чадно дымила, пропуская непрерывно возникавшие «КамАЗы». Морозов насчитал уже восемь машин. Вдруг представил, как лежащие в этом окопе в засаде били по машинам, поджигали их, и пылающие грузовики продолжали катить, скрываясь за уступом, унося с собой пламя. А стрелки все били и били зажигательными пулями в новые, появлявшиеся из-за кручи «КамАЗы», превращая трассу в ревуший желоб огня.

– Спокойно идут, нормально! Не обстреливали! – сказал Хайбулин, наметанным глазом следя за машинами. – Сразу видно, были или нет под обстрелом. С Союза идут нормально!

Морозов смотрел на мелькание кабин. Каждая, возникая,

посылала на гору блик солнца, и в ней за опущенными боковыми стеклами виднелся водитель со сменщиком в бронежилетах, но без касок. Иные занавесили жилетами стекла. Морозов представлял их на мягком сиденье с лежащими в ногах автоматами. У шлагбаумов, где останавливается ненадолго колонна, стягиваясь, поджидая оставшихся, будут подбегать солдаты. Искать земляков, слать приветы по трассе. Сунут в кабины пачки писем – и на завтра конверты уже будут на родине. Морозов пожалел, что не может передать два готовых письма. Одно – домашним, нежное, успокаивающее, с подробным описанием природы. Другое – Наташе, насмешливое, чуть выпреннее, где в каждой фразе он старался быть ироничным и оригинальным.

Колонна прокатила – с замыкающими бронетранспортерами, с грузовиком, везущим на открытой платформе зенитку. Ствол почти вертикально вверх – не по самолетам, а по кромке высоких скал, где была возможна засада, мог притаиться враг.

Опять стало пусто, беззвучно жарко! Начинаясь день сулил долгое слепящее пекло. И этот ровный прибывающий жар, размывавший очертания мира, настраивал душу на терпеливое ожидание, на монотонное течение однообразных минут.

Но это однообразие мира снова нарушилось звуками механизмов. Звук скапливался за уступом, рос, увеличивался, и Морозов гадал, что же там было, что издавало звук. Из-

за поворота дороги появилась красная медлительная махина, в уступах, лопастях, перепонках. Комбайн, неповоротливо-важный, в мерцании кабины и фар, в лакированном сиянии бортов. Его появление здесь, среди голых каменных гор, казалось удивительным.

Следом вышел второй комбайн, третий. Одинаково красные, они осторожно и одновременно уверенно двигались сквозь горячий камень к невидимой, только им известной ниве, воде, борозде. И Морозов, ловя зрчками прилетавшие лучи света, чувствовал их алую, наполнившую низину жизнь.

Вереница комбайнов прошла. Следом – грузовики с мешками, с наколоченными на борта транспарантами с белой афганской вязью. В кабинах на мешках сидели люди в чалмах, а в одном грузовике на кулях устроились музыканты. Наверх, в окоп, долетали звуки дудок и барабанов. Они с Хайбулиным вылезли, вглядывались в пестрые одежды играющих, в их повязки и бороды. Те заметили их с дороги, замахали, заиграли сильнее, и Морозов махал в ответ.

Ему жаль было отпускать за уступ эту азиатскую музыку, славящую будущий, еще не посеянный урожай, эти хлебные кули, эти алые комбайны. Он напутствовал, благословлял их, желал им добра.

Два бэтэра прошли в хвосте колонны, чутко шаря усиками пулеметов по горячим гребням и осыпям.

– Дойдут, куда они денутся! – сказал Хайбулин.

И в момент, когда транспортеры исчезли и гул колонны стал пропадать, впитываться в камень, Морозов почувствовал приближение опасности, это напоминало легкую, пробежавшую по солнцу тень, кончившуюся перебоем сердца. Тревога, как ветерок, пронесла по небу несуществующее облачко, и Морозов, оглядываясь, стремился понять, что это было. Кругом пустые, белесые, опадали откосы. Не было причин для тревоги. Не было источника опасности. Морозов осмотрел оба автомата, плоско, стволами наружу лежащие на бруствере, зеленые клубеньки гранат, круглые, с тусклым свечением каски.

«Померещилось!» – подумал он, проталкивая сквозь сердце невидимый тромбик тревоги, растворяя его в ровном дыхании.

На соседней зеленовато-пятнистой горе слышалось блеяние, звон колокольцев, долгий, повисший в воздухе окрик. Через гребень на травянистый склон стало перетекать стадо коз. Бестолково разбегались, утыкались в пучки зелени и снова скачками бежали под кручу. Пастух в долгополых одеяниях, в грязно-белой повязке возник на вершине, опираясь на посох. Подпасок, мальчик в тубетейке, в бирюзово-вой рубашке, засеменял наперерез стаду, не пуская в долину. Морозов смотрел на них. Не было в них опасности, а был в них мир и покой, признак близкого кишлака, куда хотелось заглянуть. Увидеть поближе глинобитные каленые стены, низкие, вмурованные в них двери, дворик с каким-ни-

будь глянцевым остриженным деревом, деревянный помост с ковром, медный с тонким горлом кувшин.

Но пока не довелось ему увидеть афганский домашний очаг: мимо кишлаков, на скорости, проносили его бронетранспортеры. Так же на скорости, сквозь бойницу, он увидел с горы Герат. Огромный, бугрящийся, желтый, словно барханы, с высокими, похожими на фабричные трубы минаретами. Город казался горячей каменистой пустыней.

– Козы у них интересные. Маленькие, как кошки, и лохматые! – заметил Хайбулин. – У моей тетки в Уфе козел был. Громадный, злющий. Грузовик мог рогами перевернуть! А это разве козы?

Стадо медленно разбредалось, застывало в горах. Пастух и подпасок, изредка вскрикивая, шагали по склону, управляя движением коз.

И опять легчайшее дуновение тревоги пролетело над Морозовым. Оставило в воздухе едва заметную, из света и тени, рябь.

По трассе прокатил грузовик – высокий фургон в золотистых и розовых метинах, в бесчисленных висюльках и наклейках. Востоком – сказочным, из «Тысячи и одной ночи» – веяло от этого по-азиатски яркого грузовика.

Внезапно пастух на горе тонко вскрикнул. Взмахнул руками и, упав навзничь, стал колотиться затылком, спиной так, что козы испуганно от него побежали, открывая пустые серо-зеленые пролысины. Мальчик-подпасок замер, оглянувшись

на жалобный вопль. Пастух кричал и катался. Чалма его отскочила. Были видны дрыгающиеся ноги в лохматых штанинах. Слышался булькающий, причитающий крик.

– Что с ним? – спросил Морозов, пораженный этим внезапным зрелищем.

– А кто его знает! – тревожно вглядывался Хайбулин, натягивая китель, подставляя ухо визгливым, перекатывающимся через лощину выкрикам. – Может, припадочный. Или змея укусила. Или скорпион. Их здесь, сволочей, полно! Самое ядовитое время!

Пастух затих. Мальчик мелким скоком, мелькая голубым, подбежал, склонился, и оттуда, где были оба, донесся тонкий детский плач.

– Умер, что ли? – Хайбулин всматривался через прозрачное пространство солнечного сухого воздуха, увеличивающего, как огромная линза, соседний склон с козами, с лежащим человеком и мальчиком. – Это они с виду крепкие, жилистые, а внутри гнилые! Болеют! Может, сердце не выдержало? Походи-ка по горам, по солнцу! А ведь старик...

Пастух шевельнулся, засучил ногами. Было видно, как один башмак его соскользнул, смутно забелела голая ступня.

– Жив! – воскликнул Морозов. – Я пойду посмотрю! Надо помочь! Может, бинт, может, жгут?! Что ж, он так и померет у нас на глазах? Пойду! – И он, похлопав по индпакету, повинувшись порыву сострадания, был готов легким скоком выпрыгнуть из окопа.

– Стой! – властно остановил его Хайбулин. – Куда суешься! Я пойду! А ты давай наблюдай, если что – прикроешь!

Ефрейтор поднял флягу с водой, прихватил автомат и, покинув окоп с мелкой осыпью катящихся камушков, стал спускаться в лощину. Морозов держал оружие, смотрел, как Хайбулин переходит сухое русло, разделявшее подножия двух гор, распугивает пасущихся коз, приближается к лежащему пастуху и мальчику с бледной каплей лица, с желтой каймой тубетейки. Ефрейтор балансировал на невидимой тропке, раскачивал рукой с автоматом. Казался вышитым на горе. Вдруг близко, из-за спины Морозова, раздался выстрел. Ефрейтор, словно его оторвало от горы, стал падать. И Морозов молниеносно, с ужасом прозревая, понял: случились обман и несчастье. Пастух – не пастух, а оборотень, переодетый враг, в которого надо стрелять, и надо стрелять в кого-то еще, близкого, стремительно налетавшего сзади. Он не успел развернуться, поднять с камней оружие. Что-то взметнулось рядом, пыльное, серое, и страшный крушащий удар в неприкрытый каской затылок поверг его в глубь окопа. Погасил гору и небо.

Он очнулся, и первое, что увидел выпученными, налитыми слезами и кровью глазами – непрерывно струящееся течение земли. Размытые, исчезающие и возникавшие камни. Белесый шерстяной овал, к которому прижималось его лицо, остро пахнувший, дышащий и екающий, оказался лошадиным боком. Свисающее медное стремя, пустое, блестящее

у самых глаз. И расколотое костяное копыто, мерно бьющее в близкую землю. Он ощутил горячую ломоту в затылке, все еще длящийся, расплывающийся болью удар и множество мелких, царапающих и жалящих уколов, вонзившихся в его шею и спину. Попробовал шевельнуться. Понял, что связан, перекинут через седло лицом вниз и завален сверху ворохом серых сухих колючек, прокусивших ему рубаху и брюки. И тут же вспомнил выстрел, Хайбулина, отрываемого, отделяемого от горы с занесенной вверх, сжимающей флягу рукой. И это зрелище упавшего ефрейтора, и последнее перед ударом чувство ужаса, и теперешнее мелькание каменистой тропы с пустым медным стремяном, отшлифованным чьей-то подошвой, – все это слилось воедино. Наполнило его тоской, пониманием, что с ним случилось огромное, непоправимое несчастье. С ним, Морозовым, еще недавно студентом, любимцем друзей, обожаемым родными и близкими, милым, веселым, талантливым, полагавшим, что ему уготовано необыкновенное, из успехов и счастья будущее. Все, что с ним случилось и станет, – все ведет его к необратимой и страшной гибели.

Это обессиляющее знание, твердые тычки лошадиного хребта в живот, пузырь боли, разраставшейся в затылке, приблизили обморок. Он попробовал шевельнуться, и его больно стошнило на стремя, на расколотое, переступающее копыто.

– Да что же это? – простонал он. – Что же это такое!

Послышался окрик, другой. Лошадь снова споткнулась. Зачастила, затопталась на месте. И он, страдая, сдувая и сплевывая ядовитую желчь, увидел остановившийся малый клочок земли, шершавый и седой, с поставленным на него желтоватым лошадиным копытом. И как ни было ему худо, глаза отсняли этот кадр, и мелькнуло: если будет жить, если только жить будет, вспомнит не раз этот безымянный островок чужой земли с лошадиной ногой на нем.

Ворох колючек отпал, и Морозов в посветлевшем, распахнувшемся воздухе боковым зрением увидел двух близких всадников. Коричневатые потные лица. Жесткие бороды и усы. Белые и черные ткани, венчавшие головы. И медный блеск то ли блях на уздечках и седлах, то ли пуль в ленточных патронташах. Всадники молча смотрели на него черными выпуклыми глазами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.